

КНИЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ

В конце ноября, в прошлом выпуске «КК», мы говорили о «Жемчуге проклятых» Маргарет Брентон: написанном в жанре фэнтези романе о любви, волшебстве, британских аристократах и феях. Они же «маленький народец», — эльфы, феи, пикси, брауни — это герои кельтского фольклора, давно уже очень популярные и в России. А Маргарет Брентон... это совместный псевдоним писательниц Екатерины Коути и Елены Прокофьевой. И мы просим прощения у тех, кто тщетно искал в Интернете биографию загадочной англичанки.

Екатерина живет в Калифорнии, преподает в школе, ведет блог на русском языке, выпустила три книги о викторианской Англии. Елена — москвичка, выпускница сценарного факультета ВГИКа, член Союза писателей Москвы, постоянный корреспондент журнала «Gala Биография», автор энциклопедии «Нечистая сила», 13 сборников исторических биографий и двух романов ужасов.

Екатерина Коути.

Тайны леди Маргарет Брентон

Елена Прокофьева.

— Для чего потребовался псевдоним и как он был придуман?

Е. П.: — В книге английские реалии и имена: русские имена авторов могли бы смутить читателей. Наши издатели решились на мистификацию, создав Маргарет Брентон и придумав британское издательство «Мельмот Пресс». Впрочем, подобные прецеденты встречались в русской литературе еще в дореволюционные времена, да и в постперестроечные тоже: взять Нину Сандрову, издававшуюся под псевдонимом Б. Олшверри, или Елену Хаецкую, «превращенную» в Маделайн Симон.

Е. К.: — Поскольку сам роман отчасти написан на основе английских баллад, то и псевдоним мы решили взять из фольклора. Имя и фамилию позаимствовали из баллады о гордычке леди Маргарет, к которой посвящался призрак ее брата, и о Гиле Брентоне, придумавшем оригинальный способ проверять невест на непорочность — с помощью говорящей простыни.

— У каждой из вас наверняка успел создаться свой образ леди Маргарет. Какой она вам видится?

Е. П.: — Я представляю ее себе очаровательной, типично английской чудачкой, уединенно живущей в старом доме. Возможно, она даже не набирает свои книги на компьютер, а пишет от руки, перьевой ручкой. От нее всего можно ждать! Я немного завидую Маргарет Брентон: она может себе позволить душой жить в прошлом, а сердцем верить в чудеса.

Е. К.: — Думаю, писательнице Мар-

гарет Брентон важна взаимосвязь фольклора и общественных отношений в Англии XIX века. Ведь манеры, правила этикета, нормы поведения были порою причудливее любых обрядов и заклиний. Пишет она и о том, как нечисть учит людей быть людьми. Потому что кто-то же должен их этому научить.

— Идея заставить англичан, живших в чопорную и прекрасную эпоху королевы Виктории, взаимодействовать с эльфами и другими персонажами кельтской мифологии кажется одновременно и причудливой, и очень естественной. Как она возникла?

Е. П.: — Викторианская эпоха — «граница» между временами, когда волшебное было частью повседневной бытовой жизни, и новым временем с его материализмом и отрицанием потустороннего. Идеальный фон для мистического романа, когда сверхъестественное ощущается особенно остро. И еще остается место для романтических страстей, поскольку тогда люди еще только учились цинизму.

Е. К.: — К тому же у англичан той эпохи была тяга к волшебному или просто странному. Зеленые холмы, изрытые ходами в другой мир, танцы фейри под луной, о которых так тосковала Джен Эйр... Кто-то увлеклся фотопаркетом, кто-то бегал за феями с фотоаппаратом. Живя в мире, где непознанного с каждым годом становилось все меньше, англичане жаждали чего-то иного, отличного от обыденности.

— Откуда у современных русских девушек эта «викторианская грусть»?

Е. П.: — А вы замечали, что Англия викторианской эпохи сейчас вообще очень популярна у русских читателей и зрителей? Возможно, нашим современникам и согражданам не хватает той основательности, упорядоченности всего бытия, которым отличалась жизнь британцев во второй половине XIX века. И нас тянет, как магнитом, туда, где, думается, было спокойнее... В отличие от России или Франции, которые в тот же период были сотрясаемы социальными бурями.

Е. К.: — Нам таким же противовесом обыденности, как викторианцам — вера в потустороннее, кажется «добрая старая Англия», где дамы носили кринолины, а джентльмены, здороваясь, приподнимали цилиндры. Хотя о рабочих домах и детском труде в шахтах лучше умолчать...

Е. П.: — ...однако мы рассказываем и об этом тоже. Потому что стараемся создать полную картину той эпохи. Изначально наша история была рассчитана на три тома, события в которых проходят в основных для викторианцев декорациях: это Провинция, Столица и Путешествие. «Жемчуг проклятых» — жизнь в провинции. Во второй книге герои отправятся в Лондон. А в третьей — традиционное для каждого британского джентльмена путешествие, которое в нашем случае пройдет в не совсем традиционном стиле и направлении... Надеемся, читатели поддержат нас своим интересом и все три книги увидят свет.

Фото из домашних архивов

НОВОСТИ ОТ КНИГОЧЕЕВ

ПРОЗАИК И КРИТИК АЛЕКСАНДР ЕТОЕВ...

...встретится с читателями 26 февраля в 19.00 в Доме писателя (Звенигородская улица, 22).

Хотя Етоев — лауреат премий для писателей-фантастов «Интерпресс-кон» и «Странник» и девять лет был редактором издательства «Terra Fantastica», фантастику он, по его словам из одного интервью, не читает. Пишет же — в прозаической своей ипостаси — то, что можно назвать «бытовой фантастикой» или «магическим реализмом».

Последняя на сегодня книга Етоева, «Порох непромокаемый», имеет подзаголовок «Сказки города Питера». Сразу и не поймешь, кому — взрослым или детям — предназначены эти сказки: заглавная повесть, и повесть «Бегство в Египет», и рассказ «Парашот вертикального взлета». Скорее все-таки «читателю взрослому». Который, опять же по словам писателя из интервью, только другого, — «такой же читатель-ребенок, но только испорченный».

Но, если вопрос целевой аудитории так же лишен определенности, как и жанровой, книга удивляет именно конкретностью: ладной сценки волшебства с повседневностью, портретов говорящих котов, деталей послевоенного ленинградского быта, отсылки к советским романам про шпионов.

Александр Етоев.

СУПЕРФИНАЛ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА «РУССКИЙ СЛЭМ СПБ»...

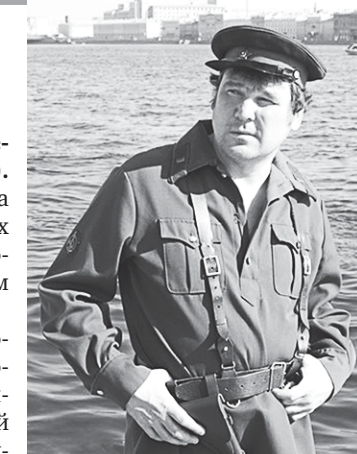
...начнется 24 февраля в 19.00 в Музее современного искусства «Эрарта» (29-я линия В. О., 22).

Уже несколько лет на разных площадках — сперва в арт-подвале «Бродячая собачка», потом в клубах «Платформа» и «The Place», — в Петербурге проводится слэм: честное соревнование по спортивным правилам и на деньги.

Вообще-то само слово «slam» (по-английски «хлопать») пришло из лексикона рок-фанатов. Оно обозначает своеобразные и не всегда безопасные действия, которые производят танцующие перед сценой на концертах люди, сталкиваясь друг с другом. По инициативе известного писателя и культуртрегера Вячеслава Курицына (вести питерские слэмы ему помогает Денис Рубин) на глазах у публики «сталкиваются» кумиры, а не поклонники, состязаясь как в искусстве стихосложения, так и в артистизме. Победителей определяет жюри из пяти человек, выбранных из зала. «Slam» переводится также и как «резкая критика» — и ее в пылу битвы действительно слышится немало...

Лауреатами петербургского слэма становились Ирина Дудина, Евгений Мякишев, Михаил Бодуман, Наташа Романова, Андрей Родионов.

Вход на мероприятие свободный. Но только для любителей поэзии в возрасте от 18 лет.

Идеолог, отец-основатель и организатор «Русского слэма» Вячеслав Курицын.

Вадим Левенталь

напоминает автор) эта история не впишется. Принц, в которого Регина влюбится, как в сказке, сразу и навсегда, главным действующим лицом ни в мыслях, ни в судьбе героини не окажется, потому что это вовсе не сказка.

Если необходимо искать всему толкования, можно сказать, что перед нами еще одно художественное исследование природы дара, его истоков и развития — и жертв, которых он требует от того, кому достается, и от его близких. Исследование, чей предмет рассмотрен в непривычном ракурсе и автор которого не убоится немодной в наш упрощенный век сложности в вопросах формы и содержания.

Вадим ЛЕВЕНТАЛЬ
МАША РЕГИНА

«Лениздат», «Команда А»
В числе первых релизов нового «Лениздата», чьей секцией прозы руководит один из лучших стилистов современности Павел Крусанов, оказался дебютный роман литературного критика и главного редактора издательства «Лимбус Пресс» Вадима Левенталь — удивительно зрелая, тонкая и безжалостная вещь.

Девушка из «простой» семьи, но с королевской фамилией благодаря таланту и упорству становится всемирно знаменитым кинорежиссером. В сюжет о Золушке (а сюжетов и в жизни, и в литературе на самом деле не так уж и много, о чем лишний раз

Евгений МЯКИШЕВ
МЕСТО СИЛЫ

«Нюанс»
У тонкой книжечки, выпущенной в таганрогском издательстве «Нюанс» в серии «32 полосы», забавная история. В основу легла подборка, подготовленная для упоминаемого на этой же странице «КК» «Поэтического путеводителя». (Отсюда и название.) Подготовлена была, да не вошла. Когда удивленный стихотворец, не найдя в «красной книге» себя, позвонил составителям, те, похоже, удивились не меньше. И отчего случилась такая беда — объяснить не сумели.

В качестве «места силы» в родном Петербурге Мякишев предьявил галерею «Борей». Тонкую книжку построил по тому же принципу, что и толстые свои сборники последних нескольких лет, — новые стихотворения перемежаются старыми, изысканно-архаичные конструкции с оттенком обэриутского безумия — брающе-новаторскими короткими строками с вкраплением обыденных и иносказательных лексем, поэзия — авторскими прозаическими комментариями и даже заметками критиков.

А вместо предисловия — интервью... в стихах. Данное некогда поэтом «Вечернему Петербургу».

ИЗДАНО В ПЕТЕРБУРГЕ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ГОРОДАМ «КУЛЬТУРНОГО АЛЬЯНСА»

«Культурный альянс»
Под обложкой яркого дизайна — черно-белая графика на алом фоне — стихи поэтов из 21 города России. Все эти города участвуют в проекте «Культурный альянс», первоначально созданном для того, чтобы познакомить и сблизить творческих людей Перми и Санкт-Петербурга.

Помимо стихов (понятно, что в такой большой и пестрой коллекции представлены самые разные направления и экспонаты самого различного качества) в книге есть небольшие рассказы и эссе. Их названия начинаются одинаково: «Место силы». Вспомнив юность, проведенную за томами Карлоса Кастанеды, составители путеводителя Вячеслав Курицын и Андрей Родионов попросили каждого участника написать, какое место в городе проживания его особенно вдохновляет. Результаты получились довольно неожиданными. Так, для Алены Афиной из Якутска это ночная крыша, для Айвенго из Тольятти — диван, для Сергея Рыженкова из Саратова — улица Бабушкин Взвоз. А екатеринбуржец Сергей Ивкин указал сразу три «места силы»: Собачий парк, недостроенную телебашню и памятник декабристам.

Поэтический путеводитель по городам «Культурного альянса»

Дядя Коля ВОРОНЦОВ
АЗБУКА

«Акваель»
Художник Николай «Дядя Коля» Воронцов сочинил и нарисовал не просто пособие для запоминания алфавита. За каждой буквой — сюжет. О прогулке по улице, где по Асфальту едут Автобусы и Автобусы, маленький смешной человечек катит Арбуз, а большой смешной человечек восклицает «AAAAAA!», когда ему наступают на ногу. О Бабочке, которая полетит, если помахать страничками. А как вам зеленая-презеленая буква «З» в изящной старомодной шляпке и с Зонтиком, прихорашивающаяся перед Зеркалом? А компания совсем не страшных Монстров — Мышик, Мумра, Мучача, Муншаш, Мумяндр и... Мужик?

А что придумать для «Ы»? Слова с нее — по крайней мере в русском языке — не начинаются. Но вот — сыр, дыра и мышка. Что общего между ними, объяснить не надо. Заодно и тренировка навыка различать ассоциативные связи.

От «А» до «Я» малышей вместе с Дядей Колей проведут его помощники Бука и Бяка. На последних страничках они предлагают научиться писать буквы. Надо будет дорисовать и раскрасить их, оживившись цветными карандашами.

ДАВАЙТЕ ПОЧИТАЕМ

«Маша Регина». Сюжет о Золушке

Мы публикуем отрывок из дебютного романа Вадима Левенталь

Первое Машино чудо было густо замешено на Петербурге — городе, который она, вопреки канону, впервые увидела не в раннем детстве, когда по ночам тайный свет заполняет улицы, реки и каналы и заставляет все — от куполов соборов до пустых пивных бутылок — тускло сиять серебром, когда теплая вода урюмо чмокает гранитные ступени и кучки пьяных счастливых выпускников мечутся из магазина в магазин, заставляя похмельных туристов сбиваться в сторонку, когда ближе к Дворцовому мосту город пузырится беспокойной толпой, а вдали по каналу Грибоедова

растекается влажной тишь, сводящей суму любителей Достоевского, — нет, нет, не летом, а поздней осенью.
Сентябрь был еще продолжением этого сумасшедшего лета, Маша никак не могла успокоиться. Она спала больше, часов по шесть, но все свободное время занималась. В десятом «б» она снова была на нуле — все то, что ее одноклассники знали, казалось, всегда, ей доставалось суровым ночным послушанием. Она читала Пушкина, Гоголя, Карамзина, Радищева, учила теорему, разбирала путаные, похожие на китайскую духовную практику, правила

русской орфографии, учила бессмысленные российские реформы, — все это за восьмой, девятый классы, которых у нее, как она поняла, не было. Только во второй половине октября она наконец надела куртку, ботинки, замочила вокруг шеи шарф и вышла из школы. Может быть, это случилось бы еще позже, но на уроке литературы в этот день А. А. вдруг отвлекся от «Невского проспекта» и чуть не кричал на притихший класс: боже мой, юноши и девушки, вы хоть понимаете, как вам повезло? Миллионы людей во всем мире читают все это и понимают через слово, пьют эти тексты, как

обезжиренное молоко. Вы живете в городе, в котором европейская культура обрела смысл! — потом Маше А. А. признавался, что, конечно, но был слишком категоричен, но какой оратор не машет рукой? — Пройдите по этому городу! Не вольте по улице куда-то, а погрязаясь в него. Спрашивайте камни и мостовые, они много расскажут вам. Петербург — это лучшее, что может случиться с вами! Вы никогда не услышите, что там вам нащепывает Гоголь, пока не промерзнете под дождем где-нибудь на Карповке, в полном одиночестве и без копейки в кармане.